

СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

МАТЬ и сейчас как вспомнит про ту похоронку, так плачет. В январе сорок четвертого написали ей из полка, в котором воевал Василь, что он погиб во время тяжелого боя под Кировоградом. А он был жив. То ли несчастный случай выпал, то ли собственный характер помог, а может, и то, и другое, но едва он, раненный, превозмогая боль в простреленной ноге, выполз из хаты на снег, как мазанка эта была расстреляна из пушек нагрянувшими в село вражескими танками. В полку же решили, что он остался там, под обломками развороченных глинобитных стен. Родную Витебщину еще терзали оккупанты, но близился час освобождения, и в июне из Молдавии он от правил домой письмо, решив, что будет наступление и придет весть от него. Так, вслед за похоронкой получила мать и фронтовой треугольник от сына.

Через тридцать лет он приехал на Кировоградчину в деревню Большая Северинка, на места давних боев. Там у школы высился обелиск на братской могиле, где покоилось почти 140 погибших воинов. Из соседнего дома вышла женщина, поинтересовалась, кого ищет приезжий. Он ответил: брат тут похоронен. Она пригласила в хату, налила молока, рассказала, что тогда, в 44-м, прорвавшиеся фашистские танки отхватили кусок уже освобожденной территории. Наши не успели подорвать убитых, их замело снегом. А весной, когда земля оттаяла, местные жители свезли павших в эту братскую могилу. По штабным спискам лейтенант В. Быков тоже значился погребенным тут вместе со всеми.

Он не думал, что станет писателем. До войны учился в Витебском художественном училище, а потом, как и все его сверстники, ушел на фронт. Ветераны знают, что это такое — воевать в стрелковом полку. Он был командиром взвода в стрелковом батальоне и в полковой роте автоматчиков, командовал взводом противотанковых пушек «сорокапятки». После очередного ранения с зимы сорок пятого и до самой победы служил в истребительной противотанковой бригаде. Украина, Молдавия, Балканы, Австрия — там проходили его фронтовые дороги.

В паузах между боями он не вел дневников, не доставал из гимнастерки записной книжки, ничего специально не запоминал и не фиксировал для будущего. Тогда он говорил (случилось однажды и покласться), что после войны, если только дотянет до ее конца, ни одной книги о ней читать не станет. Писать же о фронте — такое и в голову не приходило.

Откуда ему было знать, что все обернется иначе. Пройдут годы, и он возьмет в руки перо, будет вновь и вновь окутаться в горький дым и пекло пожара, ползти по развороченной снарядами земле, по смерзшемуся с кровью снегу...

Быков был на войне солдатом переднего края, испытывая, как говорится, «на собственной шкуре» все ее бесконечные тяготы и страдания. Война осталась главным в жизни фронтовиков, что бы потом с ними ни происходило, какие бы радостные или печальные испытания ни выпали на их долю. Вот что говорит В. Кондратьев, участник тяжелейших боев под Ржевом, о которых он написал в прекрасной повести «Сашка», опубликованной журналом «Дружба народов»: «...Пришла зрелость, а с ней и ясное понимание, что война — это самое главное, что было у меня в жизни».

Так и поныне воспринимают мир, сегодняшний день, люди — через опыт войны, через правду войны. Оттуда, из фронтовой огненности и стны, смотрят в наше сегодня немигающие глаза погибших.

«Мы видим в войне очень значительные уроки прежде всего в смысле нашей современной нравственности», — говорит Василь Быков и добавляет: «Особенно важно, на мой взгляд, видеть в военном прошлом определенные созвучные нам моменты, в той или иной степени существенные для нашего сегодня. Это основная, хотя и не единственная причина, побуждающая нас обращаться к исследованию жизненного материала войны».

Вот уже двадцать лет — в 60-м году вышла его первая военная повесть «Журавлиный крик» — Василь Быков пишет о войне, и только о войне. Он автор четырнадцати военных повестей, многих военных рассказов, пьес и сценариев.

— Что является непосредственным толчком, импульсом, побуждающим всякий раз к созданию новой «фронтовой страницы»?

— По-разному это бывает. Иногда еще при работе над предыдущей повестью возникают побочные ответвления

идей или замысла, которые в рамках данного сюжета реализовать невозможно, но они чем-то мне интересны. Ведь когда углубляешься в материал, обдумывая его, заново переживаешь коллизии и переосмысливаешь ситуации, то всегда что-то отбрасывается, а что-то берешь «на заметку», про запас, на будущее. Иное так и остается неиспользованным, к другому же я потом возвращаюсь.

Но «толчки» возникают не только во время работы, а и самым неожиданным образом — в общении с людьми, в беседах с друзьями, при чтении... Вдруг что-то завладевает тобой, будит воображение, обрастает подробностями, появляется новый по-

явился основой повести «Сотников».

Фронтовой случай лег в основу партизанской повести о Сотникове и Рыбаке. Быков не участвовал в партизанском движении, но в его родной Белоруссии каждый камень помнит черное время оккупации, а что же говорить о людях — их сердца полны горестных и героических воспоминаний. «Только ленивый или глухой — замечает Быков, — может игнорировать их».

На том же вечере в Политехническом кто-то попросил рассказать: был ли прототип у учителя Мороза — героя партизанской повести «Обелиск». В Белоруссии был случай, объяснил автор, когда учитель поступил так же, как в

— Я бы сказал, что мои герои всегда мне послушны, обычно никто из них не выражает своеволия, идут туда, куда я их веду. В этом смысле они дисциплинированы, как хорошие солдаты хорошо вышколенной роты.

Прежде чем обратиться к листу бумаги, приступить к первой главе, я стараюсь тщательно продумать сюжет, характеры, знаю начало и обязательно — финал. Детально обработанный финал — неременный залог того, что вещь получится. Конечно, во время письма и сюжет, и образы претерпевают какие-то изменения, но образная система в целом сохраняется. Как ни странно, труднее всего определить начало, а ведь

вить, всегда все точно выверено и подогнано. Словесная манера Г. Бакланова тоже графически скупа, хотя у него фраза часто эмоционально окрашена и содержит намек, оттенок, подтекст.

— у Бакланова больше полутон?

— Совершенно точно. А вот Ю. Бондарев или В. Астафьев, на мой взгляд, работают маслом. Их живописная кисть пишет широко, изыщно, красочно. Наверное, я так бы не смог если бы и захотел.

— Законченная рукопись, по видимому долго еще держит аас подле себя ведь вы сами переводите свою прозу. Скажите: на оригинале это как-то отражается? Он остается неизменным или перевод выявляет некие прежде скрытые от глаз дефекты, динтует изменения в изобразительных средствах?

— При переводе испытываешь муки не меньше чем при создании оригинала. Если на русском языке дать простую эквивалент — получится бедно, плоско, поверхностно, у фразы нет ни глубины, ни изыщества. Обычно переводчиков не слишком занимают эти проблемы. Для них главное — передать смысл. Оттого у нас столько корявых переводов. Я же по существу, каждый раз делаю двойную работу: сначала пишу вещь по-белорусски, потом перепиываю ее по-русски, являясь таким образом автором двух оригиналов. Перевод, разумеется, ведет к некоторым изменениям в первом оригинале, потому что вдруг становится заметна неуклюжесть какого-то речевого оборота, выпирает неточный эпитет или обнаруживается не та тональность.

Год от года пишется все труднее. И это объяснимо. Возрастает требовательность к тому, что выходит из-под твоего пера. Хочется, чтобы груз высокой нравственности — то, собственно из-за чего и создается произведение — становился все весомее, значительнее...

Ирина РИШИНА

ЛИТЕРАТУРНАЯ МАСТЕРСКАЯ

Василь БЫКОВ:

О САМОМ ГЛАВНОМ

ворот идеи. Неясное еще намерение долго не отпускает, свербит в сознании. Трудность при этом состоит в том, что интересную идею надо «одеть» в достаточно пригодные для нее литературные одежды, обработать идейный костяк, что называется, мясом жизни. И сделать это так, чтобы, с одной стороны, идея не очень выпирала из этих одежд, а с другой, — чтобы не потонула в обилии фактического материала. Хорошо, конечно, когда все выступает в гармоническом единстве, когда за жизненными фактами как бы стоит, возвышаясь в отдалении, не обязательно рядом, большая, сильная, захватывающая идея. Это, я считаю, самое важное, но и самое сложное в литературе. Порой для воплощения сильной идеи просто недостает фактического багажа, и тогда приходится оставить задуманное. А бывает и так, что в процессе работы воплощение идеи выходит недостаточно убедительным, и, хотя жизненного материала хватает, трудиться дальше бессмысленно.

Этот разговор происходил в Москве. В конце минувшего года Василий Владимирович приезжал, чтобы встретиться со своими читателями. В переполненном Политехническом диалог автора с пришедшими на вечер продолжался более трех часов. Людям интересно, дорого мнение о самых разных проблемах жизни, явлениях литературы и искусства только такого человека, который как личность вызывает к себе уважение безусловное, который как художник заставляет читателя переживать, думать, познавать мир и самого себя, в чью искренность и благожелательность верят безотказно. Один из читателей спросил у Быкова, как он собирает военный материал. «У меня нет нужды его собирать», — ответил писатель, — потому что он постоянно в моей душе. В своих фронтовых повестях он пишет о том, что сам пережил, в чем сам участвовал, что видел собственными глазами. В некоторых из них — «Третья ракета», «Фронтовая страница» — автобиографические элементы преобладают, в других их меньше.

Память художника содержит в своих записниках множество картин минувшего. Из вороха больших и малых событий, разговоров, лиц она выбирает вдруг что-то и начинает это что-то настойчиво предлагать писателю. Так, много лет в его памяти жил, будоража сознание, случай, который произошел в августе 44-го, в разгар Ясско-Кишиневской операции. Во время наступления за Прутом лейтенант Быков оказался в румынском селе, где находился сборный пункт для военнопленных. И там среди пленных — немцев, румын — он увидел своего бывшего однополчанина, который считался погибшим и «посмертно» был удостоен высокой награды за храбрость и стойкость в бою на Днепровском плацдарме. Однако оказалось, что тяжело раненным он попал в плен к фашистам и, надеясь перехитрить врага и спасти свою жизнь, записался к вассовцам. Он думал, что потом перебежит к своим, но этого не случилось. «Такой не очень сложный, хотя и не прямой путь», — объясняет писатель, — привел меня к осознанию той нравственной идеи, которая

повести Мороз. К этому же образу имеет прямое отношение история польского педагога Януша Корчака, который по собственной воле принял смерть вместе с пигомцами — варшавскими детьми. Сыграла свою роль в создании «Обелиска» и известная грагедия школьников в югославском городе Крагуевац. «Некоторым героям моих повестей», — говорит писатель, — «одолжили» свои качества два-три реальных человека, другие «списаны» с одного прототипа. Иные образы вымышлены, хотя это не значит, что они целиком придуманы. «Сотворение» их происходило подсознательным образом, и если хорошенько покопаться в авторской памяти, то, очевидно, там можно отыскать какие-то полузабытые реальные характеры...

В центре последней повести «Пойти и не вернуться» образ молоденькой партизанки Зоси Нарейко. По человеческой сути своей, по душевной красоте, нравственному максимализму она родная сестра героям повести «А зори здесь тихие...», но Зося оказалась в ситуации еще более острой и более жестокой, чем героини Б. Васильева. Они — в предельной, она — в наипредельнейшей. Те были в плену, да еще рядом с честным, добрым, беспрестанно думающим о каждой из них старшиной Васковым. Зося же очутилась один на один с перевертышем, предателем, пытавшимся ценой ее жизни купить собственное благополучие.

«Все герои ваших книг выглядят «негероически». Что заставляет вас как художника описывать именно такие личности, которые являются неброскими, неяркими в повседневной жизни, зато такими поразительными в свой смертный час?» — говорилось в одной из записок на вечере в Политехническом. «В этом вопросе заложен и ответ», — сказал Быков. — Для искусства всегда интересно обнаружить «второе дыхание», «вторую натуру», тот нравственный потенциал и те духовные начала, которые скрыты от обычного взгляда и проявляются в опелеленный момент, в условиях пограничной ситуации. Что это за герой, если у него уже на лице написано, что он воплощение доблести и героизма? Чем заниматься писателю, если с первой страницы понятно, что его персонаж вот-вот совершит подвиг? Гораздо интереснее, я думаю (и это более соответствует правде жизни), когда именно обыкновенные люди совершают необыкновенные подвиги. В нашей схватке с фашизмом чаще всего так оно и было. И это дает нам основание говорить о массовом народном героизме в годы Великой Отечественной войны».

А может, еще и этим — обыкновенностью героев, — кроме всего прочего, привлекает читателей проза Быкова? Ведь иной рассуждает так: нет, я не рыцарь без страха и упрека, я не смогу, как тот храбрец. А вот этот с виду вроде и не дерзок, не смог же. Так, может, и я найду в себе силы выстоять? Потому что не только на войне приходит час выбора, не только там возникает «пограничная ситуация», и сегодня компромисс подстерегает слабых духом.

— Василий Владимирович, вы сидите за стол с уже отработанным в голове сюжетом, точно очерченными образами или они обретают плоть в процессе письма, проявляя новые черты, не подчиняясь вашей режиссуре?

для всякой маленькой повести очень важно, откуда начать. Если слишком издали — получится затянутая экспозиция, нарушится сюжетная, композиционная стройность. Начать на недостаточном расстоянии от финала — тоже плохо, поскольку характеры не успевают проявить себя в нужной степени, запомниться читателю, как наступает развязка.

Очень важно, повторяю, начать с такого момента, чтобы действие развивалось ровно, энергично, но нефорсированно, а характеры проявлялись в меру. Чтобы было интересно, недлинно и в то же время обстоятельно. Чехов советовал, завершив рассказ, обрубить начало и конец, поскольку там больше всего искусственности, неестественности. Но думаю, что лучше все-таки не обрубить, лучше сделать так, чтобы обойтись без хирургического вмешательства.

Пишу последовательно, то есть от первой главы продвигаюсь к последней. С самого начала у меня существует сюжетный план, и редко случается, что главы меняются местами. Полагаю, что произведение такого жанра, как маленькая или средняя повесть, должно вырастать гармонично, словно дерево, — от корня к вершине.

— А названия повестей вы легко находите?

— Это интересная область литературного творчества. У иных писателей талантом освещено не только то, что находится под обложками их книг, но и то, что значит на обложках. У меня выходит по-разному. Бывает, что с самого начала знаю название, но когда рукопись завершена, приходится его отбросить, потому что оно себя не оправдывает. Случается обходиться без переделок. Иногда же происходит такое: вещь написана, а названия нет, сотни вариантов переберешь, пока найдешь то единственное, что сколько-нибудь годится для данной повести.

— Вы хотели стать живописцем или ваятелем и поступили перед войной в художественное училище. Может, ваши повести малоформатны, лаконичны еще и потому, что вы, словно скульптор, отсекаете от глыбы материала не только все лишнее, ненужное, но и отказываетесь от того, что, на ваш взгляд, не является обязательным?

— Может быть. Мне трудно сказать, что это: результат давних занятий изобразительным искусством или своеобразия моего вкуса. В живописи я никогда не был силен, хотя любил ее с детства. Мои способности скорее проявлялись в графике. Наверное, потому отдаю предпочтение графике и в литературе. Подчас завидуешь автору, который пишет эмоционально, богато, с большим количеством тропов, свободно и подробно распределяется о вещах второстепенных, но делает это изысканно, со вкусом. Наверное, это хорошо. Но в собственном творчестве я не испытываю к подобному письму особого пристрастия. Мне больше нравятся лаконичность, выразительность без изыществ, даже сухость, скудость языковых средств, какие могут быть средни только графике.

Считаю, что среди пишущих о войне великолепный график мысли и слова В. Богомолов. У него каждая фраза словно выбита на камне — ни вставить лишнего слова, ни исправ-